

лям. С другой стороны, школьный педагог вполне вправе в ходе своих уроков делать православные акценты. Я вообще убежден, что специальных уроков Закона Божия не нужно. Если преподавать русскую историю, русскую литературу, а также краеведение корректно, то возникнет более чем достаточно поводов поговорить о Православии, его истории и о православном понимании человека.

Закон разрешает говорить в школе о Православии. Единственное, что теперь всерьез может помешать детям узнать правду о Православии – это сами православные. Православие вновь будет изгнано из школ, если православные будут вести себя агрессивно. Если православный педагог в обычной школе будет вести себя как цензор, если он присвоит себе право идеологически цензурировать курсы других педагогов, быть беде. Увы, и с этим уже нередко приходится встречаться. Педагоги, обратившиеся в Православие, требуют отмены уроков по изучению теории эволюции («атеизм!»), Льва Толстого («еретик!»), Пушкина («растлитель!»)... Бывают случаи, когда детей даже отлучают от народных сказок («там лешие и нечисть!»).

Правило поведения православного педагога в школе должно быть то же, что и в семье. Если в неверующей семье один

из ее членов уверовал, у него есть лишь один способ привести к вере остальных. Если он будет их чуждаться и противопоставлять себя «чистого» и «посвященного» остальным «грешникам» («не приду я на вашу пьянку – празднуйте ваш семейный юбилей без меня: у меня пост!») – он останется один. Если он будет при каждом удобном и неудобном случае «проповедовать» – он тоже останется один. Если близкие заметят, что твоя вера создает для них проблемы, они вряд ли приблизятся к вере. Но если они заметят, что твоя вера помогает разрешению семейных проблем, если они увидят, что из храма ты возвращаешься светлее, чем пошел туда, если они увидят, что твой мир стал богаче и глубже, чем мир «читателей газет – глотателей пустот» (М. Цветаева)...

В общем, если православный педагог будет помнить о «факультативности» своей веры, то есть всегда будет помнить о том, что самое главное в его жизни, мягко говоря, неочевидно для всех остальных – как детей, так и коллег, – то будет меньше поводов для взаимных недоумений между Церковью и школой. Тогда мы сможем говорить друг с другом уже не на языке статей закона, а на языке более уважительном и человечном. И вместо «вы обязаны» будем говорить: «давайте попробуем...».

В. РАСТОРГУЕВ

ОБРАЗОВАНИЕ – ЭТО СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, НАРОДА, ГОСУДАРСТВА

(О перспективах построения государственной стратегии образования в современной России)

1. Годовщины образования...

Какой должна быть государственная стратегия образования в период, когда общество мучительно ищет и не находит пути

выхода из тупика? Этот вопрос в сознании многих людей отодвигается на второй план: не до проблем образования, когда трудно

всем, кто живет по совести, не отделяя собственную судьбу от судьбы Отечества.

Разумеется, жить по совести не заказано и государству, но для него это факультативная задача, да и навыки со временем оказались утрачены... По этой причине человек иногда бывает вправе, не отрекаясь от Отечества, решительно отделить себя и свой внутренний мир от государства. Это противопоставление было оправдано и тогда, когда государство Российское перевоплотилось из оплота веры в ее гонителя, и тогда, когда, вернув себе имя Россия, оно в одночасье и в одностороннем порядке отделило от себя часть своих граждан. Противостояние личности и государства оправданно всегда, когда в делах власти нет правды.

Возникает вопрос: если государство способно перекроить свои границы, отказаться от своего исторического образа и даже возраста, отмечая после тысячелетнего юбилея первые годовщины собственного образования, то можно ли говорить даже о самой возможности построения сколько-нибудь легитимной государственной стратегии народного образования?

Можно, и более того — необходимо! Так скажет всякий, кто хотя бы немного знает отечественную и мировую историю. Вся история становления российской государственности и великой русской культуры свидетельствует: *образование России как государства начиналось с духовного образования русских и других народов, соединивших свои судьбы на Русской земле.* С духовного оскудения начался ныне, как это бывало и в прошлом, распад России, раскол ее многонациональных земель.

В поиске общенациональной образовательной стратегии следует помнить, что Россия для ее граждан и соотечественников нечто большее, чем государство. Россия — Отечество, а уже в самом этом имени заключен образ отчего дома, построенного волей, разумом и руками пращуров во славу Отца Небесного. Иное дело — государст-

во. Оно способно, как змея, сбросить старую кожу, а с нею и многие обязательства перед людьми, историческими союзниками и Богом.

Если принадлежность человека какому-либо государству определяется как подданство, то принадлежность отечеству — как *гражданственность*, наличие которой не укажешь в паспорте и не заверишь гербовой печатью: нет такой графы. Гражданственность — это сопричастность судьбе отчей земли, и она не всегда соответствует формальному гражданству, которое можно поменять при случае и приумножить по желанию (или по средствам). Гражданственность — чувство духовной солидарности, связывающее человека с землей отцов. Оно объединяет отдельных людей и семьи в поколения, поколения и этнокультурные группы — в единый народ, а эпохи культурного развития народа — в цивилизацию. Опора гражданственности — *чувство духовного гражданства*, открывающее человеку, свободному в своем выборе, путь к истинному отечеству. Отечество без веры отцов, без небесного отечества — дом, в котором нет места Спасителю, а следовательно, и спасению.

Соответственно, и учительство — не только профессия, но и особый социальный институт по *сохранению в памяти поколений образа Отечества...* Учительство вполне можно было бы назвать и *продолжением отцовства*, так как его главная функция — восполнение необходимого для полноценной жизни человека уникального социального опыта. Настоящему учителю труднее, чем кому бы то ни было, смириться с деформацией государственной системы народного образования. Труднее, но не потому только, что учительство отброшено за черту бедности. Просто учитель лучше других видит, как в процессе размывания уклада народной жизни сводится на нет *будущее России* — вместе со здоровьем детей, духовным и физическим. Учителю особенно больно, ибо ему дано понять, что народное образование в России

— это образование ее народов, то есть их культурное и экономическое становление.

Если мы хотим не на словах, а на деле вернуть России ее *образ* — образ великой державы, которая не только *удерживает*

части света, но и несет в себе духовный свет веры, не давая народам погрузиться во тьму, то начинать надо именно с образования, а точнее с государственной образовательной стратегии.

2. Уроки, которые дает история на условиях почасовой оплаты...

На рубеже тысячелетий России вновь суждено собирать камни — исконные земли, народы, звенья некогда единой экономической системы. Мы все вольно или невольно, но участвуем в великом деле образования — образования новой России:

- *В новых границах*, расчленивших живое тело полиэтнической России. А государственные границы — не только система укреплений и пропускных пунктов, но и складывающийся многими десятилетиями (если не столетиями) особый тип приграничного расселения, федерального и регионального управления на приграничных территориях. Это и особый тип развития транспортной, экономической, социальной и информационной инфраструктуры. Исключительно внимания в этой связи заслуживает уклад жизни, духовный настрой и социальный состав местного населения, а также формирование «пограничной» социальной психологии и экономики (в том числе — «смешанной» экономической модели развития региона). Очевидно, что все эти особенности предполагают введение специальных образовательных программ на окраинных территориях России.

- *С новым политическим устройством*. Затянувшееся политическое нестроение — это еще не строй. Формирование новых социально-экономических отношений невозможно без переориентации всей системы народного образования.

- *В новом геополитическом пространстве и времени*. Руины былой би-

полярной модели мирового соперничества — опасное место для людей и государств, страдающих «синдромом потенциальной жертвы». На перекрестке тысячелетий на охоту вновь выходят не только монстры от политики, но и целые государства с ярко выраженной геополитической психопатологией. Новое геополитическое пространство не стало и еще долго не станет полем равноправного международного сотрудничества и добрососедства. Оно напоминает сегодня минное поле, разделяющее единые народы, семьи едва ли не в большей степени, чем прямое противостояние двух лагерей. Миром до сих пор правит лагерное мышление, но освобожденное ныне от былых ограничений, обязательств и принципов. Один из утраченных основополагающих принципов — нерушимость европейских границ — не выдержал соперничества с двойной моралью «гарантов мира».

Из системного кризиса, как известно, есть два выхода. Он завершается либо социальным потрясением, способным отбросить общество на несколько ступеней вниз и вызвать распад государства, утрату суверенитета (например, через обретение «уездных суверенитетов»), либо началом общенационального восхождения — «экономическим чудом». Уникальный отечественный опыт восстановления и преодоления разрухи, а также богатый международный опыт, накопленный благодаря изучению и критическому освоению «русского чуда» (выход США из великой депрессии, послевоенное «немецкое чудо», «японское чудо» и

т. п.), позволяют извлечь уроки, необходимые при выборе стратегии.

Урок первый: Стратегия – это утопия, не имеющая альтернатив. История доказывает, что успешно реализованные и реализуемые ныне стратегии национального развития формируются в самый «неподходящий» момент – период системного кризиса, когда государство и общество находятся на грани саморазрушения, когда временной горизонт свернут до минимума, а любая попытка предложить долгосрочную стратегию воспринимается как утопия. Но, во-первых, утопии, как известно, сбываются, а во-вторых, утопия, не имеющая альтернатив, — это и есть стратегия!

Урок второй: Общенациональная стратегия = подъем национального духа. Ценность общенациональной стратегии не только в достижении поставленных целей, но и в самом движении к цели, которое возвращает народам и людям смысл бытия (или создает преходящую иллюзию обрече-

тения неких смысло-жизнеобразующих ценностей). Эта способность, впрочем, свойственна всем стратегиям – вплоть до корпоративных и узкоотраслевых.

Урок третий и главный: Основное условие выхода из системного кризиса – становление общенациональной стратегии образования. Общенациональные стратегии – заведомый обман или самообман, если они не предусматривают долгосрочных инвестиций в человека и нацию, то есть приоритетные вложения в культуру, науку и образование, в социальную сферу в целом.

Наиболее надежной формой накопления, сохранения и приумножения социального опыта и интеллектуального потенциала служит система непрерывного гуманитарного образования. Эта система включает в себя наряду с обязательным и профессиональным образованием (в том числе в области переподготовки кадров) разнообразные «компенсационные» и «дополнительные» образовательные технологии.

Семь вопросов к учителю

Намечая концептуальный абрис той *навыдуманной* стратегии народного образования, основные принципы которой уже заложены в нашей национальной культуре, необходимо четко определить цели стратегии и их иерархию.

Я сознательно отхожу от традиционных вопросов типа: «*Кто виноват?*» и «*Что делать?*», поскольку на первый вопрос ответ известен каждому: «Во всем виновата семья и школа», а на второй вопрос всякий учитель и так знает ответ: «*Учить, как бы трудно ни было, и учиться, несмотря ни на что*». Какие же вопросы заслуживают особого внимания? Я предложил бы семь таких вопросов, расставив их по порядку в соответствии со значимостью:

Вопрос первый: Во имя чего (или во Имя Кого) учить? В чем заключена та высшая цель, ради которой стоит посвя-

щать жизнь народному образованию? Это вопрос о том, какая шкала ценностей должна быть положена в основу стратегии народного образования в современной России, каков ее аксиологический фундамент. Если мы отмахнемся от этого вопроса, то свято место не окажется пусто: свободную нишу заполнят те, кто настойчиво пытается внедрить нам свое видение и внедриться в нашу жизнь вместе с этим видением и собственными интересами. Бесчисленные секты, в том числе тайные и явные организации сатанистов и прочих душегубов, душат и губят нынешнее поколение детей и юношества, активно внедряются во все звенья системы образования.

Эта ползучая духовная колонизация тем легче распространяется, чем слабее становятся связи системы народного образования с национальным духовным ук-

ладом жизни и культурой народа, чем больше посеяно в сознании людей опасных иллюзий — идеологем, мифологем, привнесенных извне «национальных идей». У каждого государства и народа, на каждом из переломных этапов развития возникали и зачастую укоренялись иллюзорные представления о том, во имя чего следует учить. Например, во имя построения нового общества — будь то новая, высшая раса или «новая социальная (безнациональная) общность», тоже, кстати, высшая. Но как же быть с теми народами и общностями, которые реально существуют? Неужели они лишь «человеческий материал», из которого адепты подобных стратегий намеревались «лепить» и «лепили» (!) нового человека, например сверхчеловека или «всесторонне развитую личность»? А как быть с конкретным человеком — далеко не «всесторонне» развитым, но бесконечно более богатым, чем любая схема? Как быть с непохожими — сломать, уравнивать?

Но этот вопрос имеет и другой, высокий смысл: *во Имя Кого* стоит жить и учить? Для тысячелетней России этот вопрос и был основным. И ответ был понятен каждому: по Образу и Подобию должно жить и готовить к жизни. Но мы, увы, избрали свой, не похожий ни на что путь при разделении Церкви и государства, духовного и светского образования. Если в других странах это разделение не означало насильственного отделения народа от веры предков, а сводилось лишь к выделению специализированного духовного образования при сохранении духовного начала в светском образовании, то наш рецепт был прост: «светское (советское) = бездуховное».

Кстати, сам опыт преподавания традиционных предметов и дисциплин верующим детям подтверждает, что многие укоренившиеся концептуальные схемы и педагогические приемы глубоко оскорбляют их чувства. Всякий человек имеет

право на защиту духовных и национальных святынь своего народа от вольного или невольного глумления. Кроме того, верующий человек имеет потребность в духовном наставничестве. Потребность и право.

Вопрос второй: Зачем учить? На него должны четко ответить законодательная и исполнительная ветви власти, поскольку именно на них лежит основная ответственность за эффективность и направленность развития государственной системы народного образования. Вопрос этот встает перед обществом, как правило, в периоды «ломки», связанной с тем, что «идеологический дурман» перестал действовать, а более сильных искусственных стимуляторов не удастся найти. Для людей мыслящих это прежде всего вопрос о возможности выхода из **системного кризиса**, когда требуется системное видение ситуации и перспектив.

Но как вывести Россию из системного кризиса? Сегодня много говорят о том, что ей необходима *стратегия устойчивого развития*, и вкладывают в это понятие все, что угодно, забывая о главном: устойчивое развитие — это прежде всего *инвестиции в человека, будущее нации, то есть в образование, науку, здравоохранение, экологическую безопасность*. Соответственно, любой проект, прежде чем будет принят на федеральном уровне и поддержан на уровне региональном, должен уже на этапе своего технико-экономического обоснования включать в себя запланированные затраты на поддержание региональной системы образования, здравоохранения и обеспечения экологической безопасности с учетом специфики конкретных регионов.

Вопрос третий: Кого учить? Всех — всему? Немногих — многому? Многих и немногому? Определение адресата образовательных стратегий — задача, от решения которой в немалой степени зависит эффективность системы национальной безопасности. Важнейшие *объекты на-*

циональной безопасности — человек, национальный и семейный уклады жизни, этнические группы и нации — это одновременно и основные адресаты, и субъекты системы образования. Кого учить в условиях рынка — *платежеспособных или просто способных*? Если мы сами и немедленно не найдем, не отберем наиболее способных и перспективных среди молодых, то это сделают за нас. По имеющимся данным, количество выезжающих за рубеж молодых людей уже приблизительно соответствует среднестатистическим данным о наиболее одаренных... При этом полезно вспомнить, что система подбора по принципу платежеспособности хорошо «дополняется» так называемой системой *свободного выбора предметов* для всех остальных. В число «остальных» обычно попадают неплатежеспособные... И действительно, что могут выбрать дети или малосведущие родители? Рыбалку вместо высшей математики и домоводство вместо языковой специализации... По сути, эта модель «выборов» объективно призвана снизить уровень жизненных притязаний у «людей из народа». Если подобная модель рекомендуется для всех наших школ, то она лишь закрепляет социальное неравенство.

Совершенно особый вопрос: как должна строиться система народного образования для *неспособных*, рассчитанная на детей и взрослых с серьезными отклонениями в умственном и (или) физическом развитии. Если учесть, что сегодня в роддомах ряда регионов страны рождение абсолютно здорового ребенка становится чрезвычайным событием (каким раньше были патологические роды), то не исключено, что через некоторое время придется основные звенья системы образования переориентировать на адаптацию больных.

Еще один аспект проблемы: кого мы собираемся учить: *наших* или *ненаших*? Сможем ли мы гарантировать предоставление полноценного образо-

вания, например, детям соотечественников из стран, которые обрели независимость в результате распада исторической России, или детям русской диаспоры в «дальнем зарубежье» (новые поколения русских эмигрантов перестают говорить на родном языке). Русские и русскоязычные, которые против своей воли оказались «иностранцами», «апатридами», «бипатридами», «людьми без гражданства» и т. п., подвергаются изощренной дискриминации. В области образования дискриминация перерастает зачастую и политику геноцида: ни книг, ни учебников, ни газет на русском языке, ни русских школ... Прямой долг и высший интерес России в том, чтобы выработать мощную общенациональную программу защиты гражданских, экономических и культурных прав русских общин вне России. Такой же, впрочем, должна быть и позиция России по отношению ко всем национальным общинам, представляющим коренное население российских земель за рубежом.

Вопрос четвертый: Чему учить? Вопрос, который преследует каждого мыслящего учителя и на который в принципе нельзя ответить, не ответив на предыдущие три. При решении этого вопроса требуется упреждающее правовое обеспечение (например, закон об образовательных стандартах), а также учет ряда факторов, в числе которых:

- специфика и темпы вхождения России в мировое экономическое и информационно-образовательное пространство (и/или тенденции к вытеснению России);

- спектр профессиональных видов деятельности, как представленных на внутреннем и внешнем рынке труда, так и желаемых (прогнозируемых) в интересах долгосрочного развития экономики России и ее регионов;

- потребности по обеспечению на-

циональной и коллективной международной безопасности и т. д.

Вопрос пятый: Кому учить? Другими словами, какие требования мы предъявляем к себе и к тем, кто будет учить россиян завтра и столетия спустя, если мы сможем сохранить Россию, уберечь ее от тьмы безвременья и распада.

Вопрос шестой: Как учить? Здесь-то, к счастью, многим нашим учителям нет равных.

Вопрос седьмой и последний: На что учить? Кто должен отвечать на этот вопрос — учитель и школа, как это прививается нам в последние годы, или власть, которую мы избираем? Если это «прерогатива» учителя, то зачем нам такая власть? Сегодня не только сбросили на

учителя и родителей неподъемное: «На что учить и чем жить самому учителю?», но и тихой сапой пытаются «перестроить» всю систему народного образования на этом лжефундаменте: *по одежке, мол, протягивай ножки*. Следуя этой немудреной логике, действительно можно и ноги протянуть... Но что делать, если это самая доступная логика? Определившись с тем, «на что учить», мы без труда снимем с повестки дня все мучительные и неподъемные вопросы: и «как?», и «кому?», и «чему?», и «зачем?», и тем более «во имя чего учить?». Пустой кошелек учителя и школы, с одной стороны, и пустая голова ученика, с другой — две стороны одной, и отнюдь не золотой, медали.

Политика и нравственность

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

25 октября в Малом зале Московской духовной академии прошел круглый стол «Политика и нравственность» — очередная встреча в рамках научно-дискуссионной программы «Россия: философия, религия, культура». Инициаторами этой программы выступили два года назад три православных молодежных издания: журнал студентов Московской духовной академии «Встреча», православный журнал для сомневающихся «Фома» и православная газета МГУ «Татьянин День». С 1997 года программа осуществляется при поддержке и координировании Учебно-исследовательского центра МГИМО МИД РФ (Университет) «Церковь и международные отношения». В рамках программы проходят регулярные круглые столы в МГИМО, МГУ и МДАиС, а также встречи с преподавателями и студентами в разных городах России. За время существования программы инициативная группа посетила университеты в Ставрополе, Липецке и Воронеже. Очередная встреча в Сергиевом Посаде вновь собрала вместе преподавателей и студентов МДАиС, МГУ и МГИМО.